

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 3. С. 90–107.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2023. Vol. 6, no. 3. P. 90–107.

Научная статья / Original article

УДК 93/94

doi:10.17323/2658-5413-2023-6-3-90-107

ДВА ПУТЕШЕСТВИЯ РАСТЕНИЙ ИЗ АНГЛИИ В РОССИЮ: СИМВОЛЫ И СМЫСЛЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ДАРОВ 1795 И 1814 ГОДОВ

Юлия Сергеевна Шипицына

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия, shipitsyna.phd@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-6257-0995>

 Аннотация. Статья посвящена истории передачи двух уникальных ботанических коллекций из Англии в Россию в 1795 и 1814 годах. Организацией подготовки и отправки коллекций от лица британского правительства занимался президент Лондонского королевского общества Джозеф Бэнкс. Адресатом необычных подарков стала супруга императора Павла I Мария Федоровна. В России история этих даров мало изучена, а следы коллекций считаются утерянными. Важным источником сведений является сохранившаяся в британских архивах и в основном опубликованная корреспонденция Дж. Бэнкса, которая, однако, в разное время была по-разному интерпретирована историками. В статье представлен обзор историографических подходов к трактовке символического значения как содержания коллекций, так и особенностей организации их составления и отправки. Автор статьи предлагает взглянуть на историю «ботанической дипломатии» с точки зрения Бэнкса — главного организатора

отправки коллекции 1795 года, прослеживает его отношение к этой правительственной инициативе и делает вывод об отсутствии у Бэнкса стремления преодолеть дискурсивную дистанцию между политикой и наукой, о равнодушии к дипломатическим играм и верности принципу «общего блага», характерному для британской научной культуры. Новизна исследования заключается в попытке объединить политический контекст дипломатических даров Британии с научным энтузиазмом Бэнкса и дать оценку этому феномену ввиду сосуществования национальных государств и наднационального сообщества «республики ботаников» во второй половине XVIII — первой четверти XIX века.

Ключевые слова: Джозеф Бэнкс, Екатерина II, Мария Федоровна, «ботаническая дипломатия», эпистемические добродетели, «республика ботаников»

Ссылка для цитирования: Шипицына Ю. С. Два путешествия растений из Англии в Россию: символы и смыслы дипломатических даров 1795 и 1814 годов // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 3. С. 90–107. doi:10.17323/2658-5413-2023-6-3-90-107.

Europe and Russia: Paradoxes of Kinship

TWO TRAVELS OF PLANTS FROM ENGLAND TO RUSSIA:
SYMBOLS AND SENSES OF DIPLOMATIC PRESENTS OF 1795 AND 1814

Yulia S. Shipitsyna

Ural Federal University,

Yekaterinburg, Russia, shipitsyna.phd@gmail.com,

<https://orcid.org/0000-0002-6257-0995>

Abstract. The article deals with the history of delivery of two unique botanical collections from England to Russia in 1795 and 1814. The management of preparations and sending these collections was come to life by the president of the Royal Society of London Joseph Banks. Addressee of unusual present was Russian Empress Maria Fedorovna, spouse of Paul I. In Russia, the history of these presents is extremely underexplored, and remains of collections seem lost. The correspondence of J. Banks, survived in British archives and published in the whole, is the important source of information. However, in different time historians in various ways interpreted this correspondence. The article contains the view of historiography approaches to treatment of symbolic meaning as content of collections as organization particularities

of its completing and sending. The author of the article suggests to look at this cases from “botanical diplomacy” in concerned of Joseph Banks — main coordinator of 1795 collection’ transition, traces Banks’ personal attitude to this governmental intention and makes the conclusion about Banks indifference to diplomatic games, lack of ardor to cover a discursive distance between power and science and good faith to the idea of the common good, usual for British scientific culture. The study is novel in that in try to integrate the political context of British diplomatic presents with Banks’ scientific enthusiasm and to give an appraisal of the phenomena in light of coexistence of national states and supranational community of “republic of botanists” in the second half of the 17th and first quarter of the 19th centuries.

Keywords: Joseph Banks, Catherine II, Maria Fedorovna, “botanical diplomacy”, epistemic virtues, “republic of botanists”

For citation: Shipitsyna, Yu. S. (2023) “Two travels of plants from England to Russia: symbols and senses of diplomatic presents of 1795 and 1814”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 6(3), pp. 90–107. (In Russ.).
doi:10.17323/2658-5413-2023-6-3-90-107.

15 ноября 1793 года, Уайтхолл
Лорд Гренвиль¹ покорно просит разрешения заручиться указаниями
Вашего Величества в отношении письма от сэра Чарльза Уитворта² по
вопросу семян и растений, которые великая княгиня всероссийская пожелала
[получить] от Его Величества из садов Кью.

16 ноября 1793 года, Виндзор
Повелеваю собрать из Кью семена и саженцы, которые могут быть
отправлены в надлежащее время для русской императрицы в Петербург.
Лорду Гренвилю должно уведомить об этом сэра Чарльза Уитворта.
Из переписки лорда Гренвиля и Георга III³

Предположительно, еще осенью 1793 года Джозеф Бэнкс (1743–1820), президент Лондонского королевского общества (1778–1820), получил указание от короля Георга III составить список видов растений, которые в

¹ Лорд Гренвиль (1759–1834) — министр иностранных дел Великобритании с 1791 по 1801 год.

² Чарльз Уитворт (1752–1825) — английский дипломат, с 1788 по 1800 год посол Великобритании в России.

³ Георг III (1738–1820) — король Великобритании с 1760 по 1801 год.

качестве подарка для «великой княгини всероссийской» (*англ.* Grand Duchess of all Russias) планировалось отправить в Россию [Carter, 1974, p. 329].

Бэнкс много сделал для Королевских ботанических садов Кью: кроме непосредственной передачи множества видов семян растений и гербариев, привезенных из первой кругосветной экспедиции Дж. Кука и других экспедиций, он инициировал реформы в организационной структуре садов. Завоевав расположение короля еще в 1770-х годах, он являлся негласным советником по руководству садами Кью до конца жизни. Даже одно из его поместий, коттедж в Ривсбэй Эбби, специально было приобретено ввиду его близости к Кью — для удобства посещения и обмена результатами наблюдений и селекционных экспериментов, которые проводились Бэнксом. Официальным директором Кью с момента их открытия в 1759 году являлся уроженец Шотландии Уильям Эйтон (1731–1793). В феврале 1793 года Эйтон скончался, пост главного садовника (*англ.* head gardener) наследовал его сын Уильям Таусенд Эйтон (1766–1849). Так что в дальнейшем консультации по поводу выбора растений и их перевозки Бэнкс получал уже у преемника автора знаменитого каталога *Hortus Kewnesis*, продолжившего дело отца как в управлении Кью, так и в издании каталога растений.

Детали королевского поручения, однако, Бэнкс обсуждал в переписке с Джеймсом Берджессом¹ гораздо позднее — с мая 1795 по январь 1796 года. Непосредственное путешествие растений из Англию в Россию состоялось на специально оборудованном для этого корабле «Винус» и заняло 21 день (с 14 по 29 июля 1795 года). Помимо королевской воли, в письме Бэнкс ссылался на полученные по этому вопросу краткие указания от посла Чарльза Уитворта [*Ibid.*, p. 329]. Как отмечает автор исследования о британской дипломатии Т. Л. Лабутина, именно период посольства Уитворта остается в России малоизученным по той причине, что его переписка с госсекретарем Великобритании, так же как и его преемника Аллейна Фицджерберта, не сохранилась в российских архивах [Лабутина, 2019, с. 9].

Судьба самих растений, ставших частью дипломатической стратегии Уитворта и попавших в Россию, к сожалению, также неизвестна. Следы их утеряны: ни в оранжереях, ни в парковом ансамбле Павловска мы не сможем распознать потомков или тем более современников растений, отобранных Бэнксом для великой княгини Марии Федоровны. Содержание садов и огородов Павловска целиком новое, и даже их реконструированная планировка отсылает посе-

¹ Джеймс Берджесс (1752–1824) — заместитель государственного секретаря Министерства иностранных дел (1789–1795).

тителей лишь к 1813 году, когда, вероятно, кустарники и цветы из английской коллекции еще могли быть в саду, однако доподлинное их расположение остается неизвестным. В нескольких русскоязычных источниках мы встречаем упоминания «из Англии привезенных дорогих произрастаний» (РГИА. Ф. 493. Оп.1. Ед. Хр. 158), среди них: приходно-расходная книга Марии Федоровны (Там же), а также более поздние воспоминания Андрея Шторха, помощника главы Департамента иностранных дел и автора путеводителей по Петербургу [Шторх, 2004, с. 17]. Однако эти упоминания не позволяют ни воссоздать контекст передачи столь необычной коллекции, ни даже заинтересовать внимание отечественных историков. Факт прибытия по морю коллекции из более чем двухсот видов живых растений в горшках, семян, иллюстраций и гравюр, изображающих эти растения, кратко описывается в заметке седьмого номера журнала «Природа» за 1988 год [Караваев, Баландин, 1988, с. 127–128] и до последнего времени, со ссылкой на ту же заметку, «всплывает» время от времени в тематических работах без каких-либо дополнений [Белоусова, 2023, с. 121].

Ни историки дипломатии, ни историки науки, ни даже биографы великой княгини Марии Федоровны в России не предприняли ни единой попытки изучения путешествий растений из Англию в Россию в качестве дипломатического подарка сначала в 1795 году, а затем в 1814-м. Этот сюжет оказался на периферии внимания исследователей, возможно, потому, что принадлежит пересечению нескольких исследовательских областей и требует отказа от сложившихся историографических повествовательных схем и шаблонов. Другая догадка — слабый, только-только зарождающийся интерес к истории природных объектов в России. Действительно, дипломатические подарки в виде произведений искусства, оружия, сложных научных инструментов оседают в музейных коллекциях и так или иначе переживают периоды политических потрясений, вынужденных перемещений и других исторических коллапсов. Природные объекты оказываются куда более уязвимыми. И несмотря на то, что продолжительность жизни многих живых существ с лихвой превышает человеческую, остаться сохранными в качестве источника исторических сведений они зачастую могут лишь в неживом виде: в составе гербарных, таксидермических и других коллекций.

Обращение к обстоятельствам путешествия растений из Англии в Россию продиктовано не только стремлением автора актуализировать изучение природных объектов в русле исторических исследований. В этой истории чрезвычайно интересен и главный «человеческий» герой — ботаник, профессиональный ученый и научный администратор Джозеф Бэнкс. Длительное (более сорока лет) президентство в Лондонском королевском обществе и близость к

королю Георгу III, участие в управлении Британским музеем и Королевскими ботаническими садами Кью, а также в создании Африканской ассоциации и целого ряда других организаций, занятых вопросами изучения и освоения колониальных ресурсов, связи в Адмиралтействе, личный экспедиционный опыт и многочисленные инициативы по снаряжению экспедиций других исследователей — все эти факты биографии Бэнкса превращают его в трудах историков в такого убежденного последователя империализма, образцового актора, действовавшего в дискурсивной логике знания-власти, работавшего на упрочение и расширение механизмов взаимодействия политики и науки [Gascoigne, 1998; Glayser, 2004].

История с дипломатическими дарами, на первый взгляд, — красноречивое подтверждение участия ботаника в стратегических играх британской политики. В публикации британского библиографа Уоррена Доусона 1958 года сюжет о пересылке растений в 1795 году упомянут, но никак не прокомментирован. Подчеркнем, что Доусон и не ставил перед собой задачу интерпретации. Его «Письма Бэнкса. Календарь рукописной корреспонденции сэра Джозефа Бэнкса» — первая попытка систематизации огромного (и разрозненного) эпистолярного наследия натуралиста [The Banks letters, 1958]. Календарь представляет собой каталог писем, упорядоченных по персоналиям — корреспондентам Бэнкса. Внутри каждого персонального «раздела» реконструирована хронология переписки и приведено ее краткое содержание, при этом непосредственно тексты писем не приводятся. У Доусона мы впервые встречаем обсуждение Бэнксом процесса организации путешествия растений в Россию в 1795 году с Джеймсом Берджессом в четырех письмах.

Из краткого содержания первого письма Бэнкса Берджессу мы узнаем о том, что Бэнкс получает указание от короля Георга III составить список растений для погрузки на корабль «Винус» и отправки в Россию в качестве подарка великой княгине и краткие инструкции от Уитворта по этому делу. Бэнкс также сообщает Берджессу, что большинство растений — виды, привезенные капитаном У. Блаем с о. Таити, кроме них — новозеландский лен (*лат. Phormium tenax*), доставленный впервые в Англию лично Бэнксом в 1769 году, стрелиция королевская (*лат. Strelitzia reginae*), к изображениям которой Бэнкс относился весьма щепетильно [Mabberly, 2011], а также бруцея ржавая (*лат. Brucea ferruginea*). Сопровождать растения в их морском путешествии за плату две гиней в неделю был назначен Георг Ное, садовник немецкого происхождения, работавший в Кью [Ibid., p. 187–188].

Второе и третье письма (октябрь 1795 года) содержат обсуждение инструкций для некоего капитана Викермана и, судя по всему, не относятся к теме

коллекций [Ibidem]. Четвертое письмо Бэнкса (от 29 декабря 1795 года) — своеобразный отчет обо всем предприятии, из которого мы узнаем, что Ное благополучно добрался до России, где был принят с большими почестями. Растения доставлялись из Кронштадта в Павловск на 15 экипажах, были продемонстрированы великой княгине, а также пересажены в горшки, на которых помещен символ Георга III — буквы «GR». Ное предложено остаться на службе в России, но он отказался, признавшись, что сразу после выполнения своего поручения отбывает на родину в Вюттемберг. В подарок садовник получил золотые часы, а также принял в качестве обратного груза семена и растения от Марии Федоровны для Кью [Ibid., p. 188].

Специальная публикация этих и других писем, связанных с организацией подарка для Марии Федоровны, была осуществлена Гарольдом Картером в 1974 году и вышла отдельной книжкой в качестве приложения к журналу Британского музея. Два экземпляра этого издания хранятся в России: в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге и в Библиотеке иностранной литературы в Москве. Вероятно, факт наличия этой работы на полках российских библиотек объясняется присутствием в заглавии книги имени Екатерины II. В переводе на русский язык название, данное Картером, звучит как «Джозеф Бэнкс и коллекция растений из Кью для Екатерины II, 1795 год» [Carter, 1974].

Публикация Картера содержит не только переписку Бэнкса и Берджесса — круг лиц, принявших участие в «оформлении» этого подарка, намного обширнее. Здесь и переписка с Г. Ное, садовником, и с капитаном «Винуса» Робертсоном, и с вице-адмиралом Сергеем Ивановичем Мешковым-Плещеевым, через которого Мария Федоровна выразила свою благодарность Бэнксу, а также письмо лорда Гренвиля Георгу III и ответ короля министру, приведенные в качестве эпиграфа к этой статье [Ibid., p. 329]. В двух случаях Картеру удалось опубликовать даже черновики писем Бэнкса, сравнение которых с отправленными экземплярами показывает тщательность, с которой ботаник подходил к изложению своих мыслей в переписке. Одним словом, это издание писем расширяет представление об условиях организации отправки растений в Россию и о роли Бэнкса в этом процессе, детализирует контекст всего предприятия, обнажает степень физической, интеллектуальной и эмоциональной вовлеченности всех задействованных лиц. Интересно другое: почему Картер настаивает на том, что подарок предназначался для Екатерины II. В обстоятельном введении, предпосланном текстам источников, он много рассуждает о политическом контексте дипломатического дара: предшествующих военных конфликтах, торговых интересах и династических связях России и Британии. Картер настаивает: низкий уровень влияния Марии Федоровны при дворе исключает ее из числа адре-

сатов подарка. По той же логике — статус императрицы и реальное участие в управлении государством Екатерины II — делают ее единственным возможным адресатом подарка [Ibid., p. 283–324]. Эту точку зрения не разделяет Питер Хейден, автор работ по истории садово-парковой культуры в России [Heyden, 1987, p. 17]. Историк науки Джон Гаскон в работе «Наука на службе империи...», однако, склоняется к мнению Картера [Gascoigne, 1998, p. 163].

Спустя несколько десятилетий изучением истории «ботанической дипломатии» Джозефа Бэнкса занялась австралийская исследовательница Екатерина Хит. Опираясь на опубликованные Картером письма, а также архивные документы как Британии, так и России, она аргументированно доказывает, что коллекция растений, отправленная в 1795 году в Россию, предназначалась все-таки Марии Федоровне, а также обнаруживает сведения о другой масштабной ботанической транспортировке, имевшей место в 1814 году. Сравнение обстоятельств путешествий обеих растительных коллекций и их содержания позволяет Хит выстроить оригинальную подробную интерпретацию использования растений в качестве дипломатического дара и предложить не одну, а сразу несколько трактовок такой стратегии.

Прежде всего, Хит отмечает, что передача в дар объектов природы практиковалась не только Британией в отношении России, но и другими государствами на протяжении XVII — первой четверти XIX века. Так, семена цветов Голландия посылала Османской империи, а Франция — майсурскому султану [Heat, 2023, p. 111]. В 1797 году Британия также направляла в Россию шесть породистых лошадей для Павла I [Ibid., p. 125]. Кроме транспортировки в Россию Бэнкс курировал отправку растений в Австрию, Баварию, Вюттемберг и Веймар [Ibidem]. Таким образом, дарение государствами предметов природного мира в данную эпоху — не столь уж большая редкость.

Принципиально важен другой акцент в работе Хит: вместе с растениями в 1795 году на «Винусе» в Россию был доставлен также знаменитый телескоп Уильяма Гершеля. Он-то как раз предназначался Екатерине II и из Кронштадта прямиком был отправлен в Зимний дворец. Личным и общегосударственным смыслом этого подарка Хит посвятила отдельный параграф главы [Ibid., p. 100–110]. Не станем пересказывать перипетии судьбы телескопа, его создателя, а также нюансы взаимоотношений Георга III, Екатерины II и Уильяма Питта младшего, с тех пор неоднократно появлявшихся вместе на сатирических гравюрах. Отметим, что ботаническая коллекция в сочетании с таким подарком, как телескоп, транслировала иной, нежели прежние ботанические дары смысл: она приобретала такой же статус научного инструмента — способ наблюдения за миром и его познания.

Кроме того, Хит предлагает психологическую трактовку «ботанической дипломатии» и дипломатические дары 1795 года рассматривает как «символическое насилие», выражение стремления внушить наследнику российского престола и его супруге чувство долга и благодарности [Ibid., p. 97–99]. С этой точки зрения редкая ботаническая коллекция, отправленная по распоряжению Георга III в ответ на просьбу Марии Федоровны, переданную королю через Уитворта, может быть воспринята не просто как дружественный жест одной королевской особы в адрес другой, а как завуалированная угроза, сообщение о том, что британские послы могут вести переговоры с позиции силы.

Тот факт, что с 1805 по 1814 год из Кью не отправляли никаких дипломатических подарков и что в июле 1814 года первым получателем даров среди европейских монархов стала Мария Федоровна, вероятно, подчеркивает особое отношение Британии к России после победы над Наполеоном и в преддверии начала работы Венского конгресса. Основной посыл этого подарка, по мнению Хит, — укрепление связей между странами внутри Антифранцузской коалиции [Heat, 2017, p. 16–18]. Другой лейтмотив: «особенные растения — особенной стране». В 1814 году содержание коллекции составили в основном экзотические виды из Австралии и с южного побережья Африки, которые уже совершенно не несли в себе экономического и военно-политического подтекста (как упомянутые выше новозеландский лен и бруцея ржавая). Декоративная функция акаций, стрелиций и других видов сообщала простой и весьма нейтральный смысл добрых пожеланий в адрес Марии Федоровны [Ibid., p. 22]. Таковы основные результаты многолетнего исследования Е. Хит «ботанической дипломатии» Дж. Бэнкса, которое на сегодняшний день представляется наиболее убедительным и развернутым. Предложенные объяснения, возможно, еще претерпят изменения в будущем, но обилие источников, которые Хит удалось привлечь, несомненно углубляет познания историков о взаимосвязях политического и научного дискурса в последнее десятилетие XVIII — первую четверть XIX века.

И в том, и в другом случае отправка большого количества редких живых растений — свыше 200 образцов, несомненно, призвана была произвести сильное визуальное впечатление и наглядно показать как возможности британской науки, так и масштаб самой Британской империи. Живые экзотические растения — демонстрация охвата территориального влияния и хорошо организованной сети научных контактов (что являлось уже личной заслугой Бэнкса). Кроме того, отличное состояние растений, для которых пришлось специально оборудовать корабль и изрядно потратиться на их сопровождение, стало показателем усилий, вложенных в организацию отбора и перевозки растительных путешественников, что еще раз подчеркивало высокую ценность подарка.

А тот факт, что растения были совсем молодыми и при должном уходе должны были вырасти, окрепнуть, расцвести и, возможно, принести плоды, знаменовало идею дальнейшего роста и развития отношений между государствами.

Когда освещены основные фактологические моменты и приведена историография их изучения, мне хочется сместить акцент с символики даров на роль личности Дж. Бэнкса в этой истории. К сожалению, в ситуации отсутствия доступа к архивным материалам, связанным с дарами 1814 года, а также источников о передаче растений в другие государства говорить о степени компетентности, личностных качествах и организаторских способностях Бэнкса возможно лишь на примере даров 1795 года. Но и эти письма позволяют увидеть его прежде всего как ученого-натуралиста — отнюдь не политика.

Как уже было отмечено, в организации отправки растений принимали участие многие, но именно Бэнкс осуществлял координацию усилий садовников, подготавливавших растения, и строителей, оснащавших корабль, наводил справки о капитанах, лично осматривал корабли и строил чертежи необходимых конструкций для перевозки растений, подсчитывал все затраты, инструктировал Г. Ное, справлялся о его судьбе в России и «отчитывался» обо всех этапах этого процесса Дж. Берджессу, который в свою очередь передавал сведения о том, как продвигается дело, лорду Гренвиллю.

Показательно одно из первых писем, отправленное 5 мая 1795 года. Это письмо — ответ Бэнкса Берджессу на его запрос о возможности скорейшей отправки растений на борту корабля «Джемайма» с капитаном Русской торговой компании. Забота о растениях, знание климатических условий прохождения Балтийского моря, понимание необходимой модернизации корабля [Goodman, 2016/2017] и сомнения в компетентности капитана Меткафа — все это объясняет решительный отказ Бэнкса:

Если вы имели в виду, что у него [капитана Меткафа] есть Навык позаботиться о растениях во время Перехода, то я готов погрузить их на борт «Джемаймы» в срок до 15 [мая], но если нет — ни в коем случае не рекомендую отправлять растения морем по крайней мере до середины лета.

Если потрудитесь вспомнить, что в Англии мы не рискуем в этом месяце выставлять на открытый воздух наши комнатные растения, выращенные с таким трудом, то, вероятно, согласитесь со мной, что и оранжерейные растения, столь желанные великой княгиней, не смогут быть доставлены в безопасности по Балтийскому морю в это время года без специальных конструкций для защиты растений, на установку которых должен дать согласие Капитан.

[Carter, 1974, p. 330]

В этот же или на следующий день Бэнкс, вероятно, имел аудиенцию у короля, которому сообщил свои соображения относительно идеи скорейшей отправки растений и заручился его одобрением для дальнейших действий. В письме от 6 мая 1795 года он излагает Берджессу свой план гораздо более обстоятельно и уверенно:

...имею честь сообщить вам, что я получил распоряжения короля отобрать из [имеющихся в] Королевских ботанических садах Кью настолько полную коллекцию экзотических растений, насколько это возможно, дабы преподнести ее в дар великой княгине всероссийской.

Его Величество, более того, изъявил волю распорядиться приготовить рабочим планы и схемы главных оранжерей в Кью, чтобы отправить их вместе с растениями, а также велел отправить одного из его личных садовников, чтобы заботиться о растениях во время плавания и рассказать об английском способе культивации, который великая княгиня, возможно, захочет перенять.

А чтобы коллекция [растений] была должным образом защищена от воздействия морской воды во время Перехода, нужно, чтобы палуба корабля целиком была переоборудована для их [растений] размещения. Нужно должным образом построить очаг [fire place], чтобы огонь поддерживал тепло в случае промозглых ночей во время Перехода... также спальное место для садовника нужно установить так близко к растениям, как это возможно.

Также необходим дополнительный запас воды, на случай если будет слишком солнечно и жарко... Подходящее время для отплытия корабля — с 24 июня по 24 июля. До середины июля нам нужно избежать ночных заморозков в этом климате, а в конце августа зима уже начинает быстро приближаться в высоких широтах Санкт-Петербурга.

[Ibid., p. 330–331]

Отплытие было назначено на 14 июля, именно с этого дня Адмиралтейство могло обеспечить сопровождение «Винуса» конвоем. 13 июля, за день до отправления, Ное писал Бэнксу о состоянии растений и степени готовности к отправке. Следующее письмо Бэнкс получил 25 июля из Хельсингёра, где корабль делал остановку, а письмо, отправленное 8 августа из Санкт-Петербурга, о том, как прошло плавание и как принята была коллекция и садовник при дворе, добралось до Бэнкса лишь 15 декабря. К счастью, Бэнкс оставался в неведении не так долго. 30 июля по поручению Марии Федоровны Бэнксу писал Мешков-Плещеев:

Ее Императорское Величество великая княгиня была уведомлена о том, что вы любезно приняли участие в выборе и пересылке для нее столь обширной и ценной коллекции экзотических растений, которую ее величество просила послать ей в качестве подарка и которую она получила в столь хорошем состоянии, которого только возможно желать. [Мария Федоровна] распорядилась через меня передать вам, что Ее Императорское Высочество в полной степени удовлетворена вашими стараниями услужить и угодить ей и заверяет вас, сэр, в своем почтении к вашим хорошо известным талантам, Искключительным Познаниям и Деликатнейшей Натуре, вдохновляющим и ее.

[Ibid., p. 352–353]

Это письмо Бэнкс получил уже осенью — его ответ Плещееву отправлен 12 сентября. В ответном письме Бэнкс благодарит за сообщение от Марии Федоровны и заверяет, что если Ее Высочество пожелает, он отправит и другие растения, а также осведомляется о садовнике — переживает, что давно не получал от него вестей, и просит сообщить, если он болен [Ibid., p. 353].

12 ноября 1795 года, уже на обратном пути, Ное отправил Бэнксу еще одно письмо из Хельсингёра. Он подробно описал оказанный ему прием, восторженную реакцию Марии Федоровны и жалкое впечатление, произведенное на него Павловскими садами. Так, всего одна оранжерея была пригодна для размещения коллекции Бэнкса, куда и поместили все растения. Отчитываясь о состоянии коллекции, он признает, что из 300 экземпляров три погибли, а четыре заболели, но все остальные — в полном порядке. Прилагает два письма: от Уитворта и некоего мистера Хова, польского натуралиста, недавно вернувшегося с большой коллекцией семян из Крыма, что может заинтересовать Бэнкса. В качестве ответного подарка Мария Федоровна распорядилась выслать в Кью 25 растений и 180 семян, «но я уверен, большинство из них уже есть в Англии, за исключением *Rhododendron chrysanthemum*», — снисходительно замечает Ное [Ibid., p. 355].

Опубликованные Картером источники — не только письма и черновики, но и личные записи Бэнкса. Мы знаем, что за исключением экспедиционных периодов Бэнкс не вел регулярных записей «день за днем», но некоторые события описывал. Эпизод «ботанической дипломатии» — как раз такой случай. Бэнкс аккуратно подсчитывал все понесенные расходы, сохранял сметы, а также перечислил растения, которые отправил в Россию и получил в ответ. К сожалению, пока нам недоступны свидетельства о реакции Бэнкса на растения из России. В каком виде они добрались до Англии и какое смогли произвести впечатление на ботаника? Быть может, действительно низкая

ценность этого «отдарка», о которой упоминает Ное, не заслужила никакого упоминания в письмах и бумагах Бэнкса. Равнодушным еще в течение трех лет Бэнкса не оставляло другое: «...лорд Гренвиль выслушал меня терпеливо, но не дал ни сантима, еще меньше я получил от него благодарности... я сделал все, написал всем, командовал всеми, оплатил все — и ни одно человеческое существо не испытывает желания поблагодарить меня... чувствую себя грязной ничтожной скотиной без стойла» [Ibid., p. 359–360], — так он пишет Берджессу 19 января 1796 года. Обида и досада сквозят и в приписке, сделанной на полях последней сметы по этому делу: «Все потраченные деньги мне вернули лишь три года спустя, как я все оплатил, и никто не сказал мне спасибо» [Ibid., p. 366].

Отправленные в Россию растения — действительно предмет особенной гордости Бэнкса, и помимо неоднократно упомянутых уже символических смыслов колониального доминирования, научного превосходства и экономического потенциала, о которых так любят писать историки, все они символизируют также стремление к расширению «республики ботаников» — социальной сети натуралистов, над укреплением контактов внутри которой Бэнкс и трудился всю жизнь [Sigrist, 2013]. Новозеландский лен, доставленный в Англию лично Бэнксом по возвращении из кругосветной экспедиции Кука, разумеется, дарил надежду и порождал новые проекты его культивации для нужд английского флота в уме Бэнкса и его соратников. Но ожидаемый позитивный эффект этих проектов еще не был подкреплен реальным количеством льняного урожая, чтобы стать символом преодоления Англией зависимости от России в закупке сырья для кораблестроения. Виды, открытые на южноафриканском побережье протеже Бэнкса Фрэнсисом Мэссоном, так же как и образцы, привезенные капитаном Уильямом Блаем, который отправлялся на Таити по поручению Бэнкса за саженцами хлебного дерева, — скорее свидетельства успеха Бэнкса в его усилиях по поддержанию профессиональных контактов и верности принципу общего блага в развитии научного знания [Шипицына, 2021, с. 38–57, 129–135].

История ботанических коллекций, переживших погрузку на корабль, морское путешествие из Англии в Россию и транспортировку по суше в Павловск, но сметенных тремя столетиями российской истории, как мне представляется, способствует выстраиванию и укреплению смысловых связей между исторической памятью и экологическим сознанием, тем самым повышая адаптивные возможности человечества к окружающей его реальности. Многообразие значений и функций растений, пересекших океан в 1795 и 1814 годах, показывает, что отношение к природе единственно как ресурсу для выживания и

производства потребляемых благ выглядит примитивной, заведомо безуспешной стратегией выживания и познания мира. Напротив, бережное отношение к природным объектам, которое демонстрирует продуманная Бэнксом до мелочей транспортировка растений через Балтийское море, и стремление щедро поделиться знаниями об этих растениях с представителями другой национальной культуры подают пример альтернативного подхода к восприятию природы. Больше всего волнует Бэнкса сохранность и комфорт растений и благополучие его коллеги — сопровождающего их садовника. Дипломатическая подоплека этой затеи его совершенно не интересует. Бэнкс-ученый — участник и умелый координатор сообщества натуралистов — в этой истории заслоняет собой Бэнкса — имперского агента. Явные обида и раздражение из-за отсутствия не вознаграждения (в нем Бэнкс не нуждался), но возмещения его личных расходов на столь трудоемкое и затратное предприятие и просто выражения солидарности и благодарности со стороны инициировавших этот проект чиновников показывают его полное равнодушие к стратегическим расчетам Уитворта и Гренвиля и игнорирование возможных политических смыслов этого ботанического послания.

Бэнкс являлся не только подданным Британской империи, но также активным и влиятельным представителем британской научной культуры. Его усилия по поддержанию и развитию различных научных институтов, персональной поддержке натуралистов, превращению личных архивных эмпирических и библиотечных коллекций в общественное достояние отвечают идее общего блага, провозглашенной в качестве принципа организации структуры научного знания еще в умозрительном проекте Фрэнсиса Бэкона и затем в научных открытиях Исаака Ньютона [Jacob, 2006; Sargent, 2012]. Представляется, что и дипломатическая «миссия» отобранных Бэнксом растений для транспортировки в Россию также имела целью в первую очередь прославление достижений британской науки, ее исключительного познавательного и административного потенциала как науки, основанной, во-первых, на высоком личном энтузиазме (продemonстрированном в данном случае Бэнксом при подготовке коллекций к отправке); во-вторых, на отказе от снобизма ради общего блага процветания наук в отношении распространения знания и новых открытий (что очевидно в стремлении Бэнкса поделиться с Россией именно новыми видами); и в-третьих, науки, не лишенной утилитаризма (в соответствии с которым Бэнкс не оставлял попыток извлечения экономической выгоды из культивации обнаруженных им самим и его соратниками видов, в частности знаменитых новозеландского льна и хлебного дерева).

Список источников

Белоусова О. А. Исторические оранжерейные объекты ботанического садоводства Санкт-Петербургской агломерации // Экономика строительства. 2023. № 4. С. 119–125.

Караваев М. Н., Баландин С. А. Гербарий Екатерины II и английский дипломатический букет // Природа. 1988. № 7. С. 125–128.

Книга приходных и расходных суммы ея императорского высочества вел. кн. Марии Федоровны // РГИА. Ф. 493. Оп.1. Ед. Хр. 158.

Лабутина Т. Л. Британские дипломаты и Екатерина II. Диалог и противостояние. СПб.: Алетейя, 2019. 458 с.

Шипицына Ю. С. Рождение ботаники в Британии: имперский и национальный дискурсы (последняя треть XVIII — начало XIX в.). Екатеринбург: Изд-во Уральского федерального ун-та, 2021.

Шторх А. К. Письма о саде в Павловске, писанные в 1802 году / пер. с нем. Ю. А. Ходосова. СПб.: Изд-во «Журнал “Нева”», 2004. 80 с.

Carter H. Sir Joseph Banks and the plant collection from Kew sent to the Empress Catherine II of Russia 1795 (Bulletin of the British Museum (Natural History) Historical Series. Vol. 4, no. 5). London: Trustees of the British Museum (Natural History), 1974. 385 p.

Gascoigne J. Science in the Service of the Empire: Joseph Banks, the British State and the Uses of Science in the Age of Revolution. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

Glaisyer N. Networking: Trade and Exchange in the Eighteenth-Century British Empire // The Historical Journal. 2004. Vol. 47, no. 2. P. 451–476.

Goodman J. After Cook: Joseph Banks and his travelling plants, 1787–1810 // The Historian. 2016/2017. P. 10–14.

Hayden P. The Empress Maria Fedorovna as a Gardener // Newsletter for the Study Group on Eighteenth Century Russia. 1987. Vol. 15. P. 16–17.

Heat E. “Give with One Hand and Take with the Other”: British Diplomatic Gifts to Russia, 1795–1797 // Courtly gifts and cultural diplomacy. Art, material culture and British-Russian relations / ed. by L. Hardiman. Paderborn: Brill / Shoningh, 2023. P. 97–134.

Heat E. Sowing the Seeds for the Strong Relations: Seeds and Plants as Diplomatic Gifts for the Russian Empress Maria Fedorovna // Cosmopolitan moments: Instaces of Exchange in the Long Eighteenth Century. 2017. December. P. 1–28.

Jacob M. C. Scientific Culture and the Origins of the First Industrial Revolution // Historia e Economia. Revista Interdisciplinar. 2006. Vol. 2, no. 1. P. 55–70.

Mabberley D. A note on some adulatory botanical plates distributed by Sir Joseph Banks // Kew Bulletin. 2011. Vol. 66, № 3. P. 475–477. doi:10.1007/s12225-011-9291-y.

Sargent M. R. From Bacon to Banks: The vision and the realities of pursuing science for the common good // *Studies in History and Philosophy of Science*. 2012. Vol. 43. P. 82–90.

Sigrist R. On some social characteristics of the Eighteenth century botanists // *Scholars in Action. The Practice of Knowledge and the Figure of the Savant in the 18th Century* / ed. by A. Holenstein, H. Steinke, M. Stuber. Leiden, Boston: Brill Publishers, 2013. P. 205–234.

The Banks Letters. Calendar of the manuscript correspondence of preserved in the British Museum, the British Museum (Natural History) and other collections in Great Britain / ed. by W. R. Dawson. London: Printed by order for the trustees of the British museum, 1958. 965 p.

Архивы

РГИА — Российский государственный исторический архив.

References

Belousova, O. A. (2023) “Istoricheskie oranzhereinye ob"ekty botanicheskogo sadovodstva Sankt-Peterburgskoi aglomeratsii” [“Historical hothouse objects of Saint-Petersburg agglomeration’ botanical gardening”], *Ekonomika stroitel'stva* [Construction economics], 4, pp. 119–125.

Karavaev, M. N. and Balandin, S. A. (1988) “Gerbarii Ekateriny II i angliiskii diplomaticheskii buket” [“Herbals of Catherine II and English diplomatic bouquet”], *Priroda* [Nature], 7, pp. 125–128.

“Kniga prikhodnyya i raskhodnyya summy eya imperatorskogo vysochestva vel. kn. Marii Fedorovny” [“Accounts book of Grand Duchess Maria Fedorovna for 1796”], *RGIA*, f. 493, op. 1, ed. khr. 158.

Labutina, T. L. (2019) *Britanskie diplomaty i Ekaterina II. Dialog i protivostoyanie* [British diplomats and Catherine II. Dialogue and opposition]. St. Petersburg: Aleteiya.

Shipitsyna, Yu. S. (2021) *Rozhdenie botaniki v Britanii: imperskii i natsional'nyi diskursy (poslednyaya tret' XVIII — nachalo XIX v.)* [Birth of botani in Britain: imperial and national discorces, the last third of the 18th — the beginning of the 19th century]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo federal'nogo universiteta.

Shtorkh, A. K. (2004) *Pis'ma o sade v Pavlovske, pisannye v 1802 godu* [Letters about garden in Pavlovsk in 1802]. Transl. from the German by Yu. A. Khodosov. St. Petersburg: Izdatel'stvo “Zhurnal ‘Neva’”.

Carter, H. (1974) “Sir Joseph Banks and the plant collection from Kew sent to the Empress Catherine II of Russia 1795”, in *Bulletin of the British Museum (Natural History) Historical Series*, 4(5). London: Trustees of the British Museum (Natural History), pp. 281–385.

Gascoigne, J. (1998) *Science in the Service of the Empire: Joseph Banks, the British State and the Uses of Science in the Age of Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press.

Glaisyer, N. (2004) "Networking: Trade and Exchange in the Eighteenth-Century British Empire", *The Historical Journal*, 47(2), pp. 451–476.

Goodman, J. (2016/2017) "After Cook: Joseph Banks and his travelling plants, 1787–1810", *The Historian*, pp. 10–14.

Hayden, P. (1987) "The Empress Maria Fedorovna as a Gardener", *Newsletter for the Study Group on Eighteenth Century Russia*, 15, pp. 16–17.

Heat, E. (2023) "'Give with One Hand and Take with the Other': British Diplomatic Gifts to Russia, 1795–1797", in *Courtly gifts and cultural diplomacy. Art, material culture and British-Russian relations*. Ed. by L. Hardiman. Paderborn: Brill / Shonigh, pp. 97–134.

Heat, E. (2017) "Sowing the Seeds for the Strong Relations: Seeds and Plants as Diplomatic Gifts for the Russian Empress Maria Fedorovna", *Cosmopolitan moments: Instaces of Exchange in the Long Eighteenth Century*, December, pp. 1–28.

Jacob, M. C. (2006) "Scientific Culture and the Origins of the First Industrial Revolution", *Historia e Economia. Revista Interdisciplinar*, 2(1), pp. 55–70.

Mabberley, D. (2011) "A note on some adulatory botanical plates distributed by Sir Joseph Banks", *Kew Bulletin*, 66(3), pp. 475–477. doi:10.1007/s12225-011-9291-y.

Sargent, M. R. (2012) "From Bacon to Banks: The vision and the realities of pursuing science for the common good", *Studies in History and Philosophy of Science*, 43, pp. 82–90.

Sigrist, R. (2013) "On some social characteristics of the Eighteenth century botanists", in *Scholars in Action. The Practice of Knowledge and the Figure of the Savant in the 18th Century*. Ed. by A. Holenstein, H. Steinke, M. Stuber. Leiden, Boston: Brill Publishers, pp. 205–234.

Dawson, W. R. (ed.) (1958) *The Banks Letters. Calendar of the manuscript correspondence of preserved in the British Museum, the British Museum (Natural History) and other collections in Great Britain*. London: Printed by order for the trustees of the British museum.

Информация об авторе: Юлия Сергеевна Шипицына — ассистент кафедры зарубежного регионоведения Уральского федерального университета. Адрес: Российская Федерация, 620075, Екатеринбург, ул. Тургенева, д. 4.

Information about the author: Yulia S. Shipitsyna — Assistant of the Chair of foreign regional studies at the Ural Federal University. Address: 4 Turgenev Str., Yekaterinburg, 620075, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.08.2023;
одобрена после рецензирования 01.09.2023;
принята к публикации 10.09.2023.

The article was submitted 14.08.2023;
approved after reviewing 01.09.2023;
accepted for publication 10.09.2023.

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда
(проект № 22-18-00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления:
Идея “Общего блага” в интеллектуальном дискурсе
Британии и России (1650–1750)»).